

Детерминация сущности досудебного соглашения о сотрудничестве в правоприменительной практике

Беляев Р.В.,
судья Московского областного суда
E-mail: brv201167@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы определения правовой сущности и субъектного состава соглашения о сотрудничестве через призму анализа дефиниции, содержащейся в п. 61 ст. 5 УПК РФ. Сопоставляются цивилистический и уголовно-процессуальный подходы к содержанию согласительных процедур, а также их субъектному составу, выявляются противоречия в терминологии, используемой в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, и предлагаются пути их устранения.

Ключевые слова: соглашение о сотрудничестве, особый порядок принятия судебного решения, сторона обвинения, признание вины, наказание.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве относится к числу наиболее дискуссионных новелл уголовно-процессуального законодательства, а, следовательно, требует научного осмысления и адаптации с точки зрения соответствия законодательной регламентации требованиям правоприменительной практики. В этой связи определенный интерес представляет анализ понятийного аппарата, которым оперирует законодатель.

Согласно п. 61 ст. 5 УПК РФ досудебное соглашение о сотрудничестве — это соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения.

Нельзя не признать справедливости имеющих в специальной литературе утверждений относительно недостаточной ясности приведенной легальной трактовки¹. За рамками предложенной законодателем дефиниции остаются вопросы о предмете и субъектном составе соглашения, которые имеют определяющее значение для детерминации его сущности и правовой природы. Кроме того, анализ содержания п. 61 ст. 5 УПК РФ позволяет выделить несколько лингвостилистических и правовых неточностей.

Так, используя термин «соглашение» дважды, законодатель применяет лексический прием, который представляет собой тавтологию и не объясняет содержания отношений, возникающих между сторонами. Этот термин принято употреблять для обозначения «договора, устанавливающего определенные права и обязанности

сторон»². В юридической лексике приведенная дефиниция используется для характеристики различных видов договорных отношений между сторонами. Применительно к российской модели континентальной *plea bargaining* договор, исходя из процессуального порядка производства предварительного расследования (ст. 317.1, 317.2 УПК РФ), заключается в письменной форме путем составления досудебного соглашения о сотрудничестве, содержание которого исчерпывающим образом регламентируется ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ.

Нельзя не отметить, что использование на правовом уровне дефиниции «договор» является неоднозначным с точки зрения правовой природы уголовно-процессуальных отношений. Анализ специальной литературы позволяет утверждать, что наличие в современном уголовном процессе договорных отношений между сторонами, одна из которых представляет публичную власть, вызывает возражения у определенной части ученых-процессуалистов. Основным аргументом в пользу данной позиции является наличие у должностного лица, ведущего производство по уголовному делу, властных полномочий, которые исключают равенство сторон, являющееся детерминирующим признаком цивилистического подхода к договорным отношениям³. При этом не отрицается тот факт, что предметом соглашения о сотрудничестве являются взаимные обязательства сторон, что также традиционно толкуется как одна из детерминант наличия между ними договора⁴. Обращаясь к понятию договора в гражданском праве, отметим, что в соответствии

¹ См., напр.: Дудина Н.А. Некоторые вопросы о предмете досудебного соглашения о сотрудничестве // *Мировой судья*. 2014. № 12. С. 8–10; Тиссен О.Н. Анализ законодательной дефиниции досудебного соглашения о сотрудничестве как уголовно-процессуального института // *Российская юстиция*. 2013. № 7. С. 26–28.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2006. С. 742.

³ См.: Головизин М.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 9.

⁴ См.: Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 14.

с ч. 1 ст. 420 ГК РФ таковым считается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей, при этом он относится к числу многосторонних сделок. Если исходить из лексико-правового значения слов «соглашение», «договор», «сделка», то и уголовно-процессуальное и гражданское законодательство выражают их суть одинаково⁵, что является предпосылкой обозначения в дефиниции, содержащейся в п. 61 ст. 5 УПК РФ, именно как договора между сторонами, влекущего за собой определенные правовые последствия. Приведенный тезис подтверждает имеющаяся в доктрине уголовного процесса точка зрения о том, что деятельность обвинения и защиты, направленную на возникновение процессуальных последствий, предусмотренных гл. 40, 40.1 УПК РФ, следует рассматривать как договор или соглашение, которые в совокупности с процессуальными процедурами, предусмотренными для заключения мирового соглашения между частным обвинителем и обвиняемым (ч. 2 ст. 20 УПК РФ), примирения сторон по делам публичного и частно-публичного обвинения (ст. 25 УПК РФ) и заключения мирового соглашения между гражданским истцом и ответчиком фактически составляют новый институт уголовно-процессуального права, регламентирующий отношения сторон в рамках согласительных процедур, являющихся формой реализации частного (диспозитивного) начала в уголовном судопроизводстве⁶.

В этой связи целесообразно рассмотреть вопрос о терминологии, используемой законодателем при наименовании разд. X и гл. 40, 40.1 УПК РФ, посвященных особому порядку судебного разбирательства. Бросается в глаза существенное противоречие между названием разд. X — «Особый порядок судебного разбирательства» и названиями двух входящих в него глав: 40 — «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением», 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Прямое толкование предполагает, что они посвящены только процедуре «принятия судебного решения», хотя совершенно очевидно, что речь идет не только об этом. Так, нормами гл. 40 УПК РФ регламен-

тируется: во-первых, вынесение приговора, а во-вторых, упрощенный порядок всей стадии судебного разбирательства, а не только заключительной его части. Главой 40.1 УПК РФ, кроме того, регулируется и процедура заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в стадии предварительного расследования, и особенности производства предварительного следствия, а также его окончания путем составления представления прокурора об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Как справедливо отмечает В. Лазарева, указанное несоответствие нельзя списать только на технико-юридическое несовершенство законодателя. Это более серьезный показатель отсутствия у разработчиков уголовно-процессуального закона четкого представления о сущности вводимого института и его месте в системе уголовного судопроизводства⁷. Устранить обозначенную проблему, на наш взгляд, можно следующим способом: переименовать разд. X УПК РФ «Сокращенные формы судебного разбирательства»; гл. 40 УПК РФ «Порядок судебного разбирательства при наличии соглашения о применении сокращенной формы судебного разбирательства», гл. 40.1 УПК РФ «Производство по уголовному делу при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве».

Ключевым для понимания сущности и правовой природы соглашения о сотрудничестве является вопрос о наличии волеизъявления сторон, его заключающих. Здесь необходимо отметить, что, конструируя соответствующую дефиницию, законодатель в п. 61 ст. 5 УПК РФ указывает на необходимость достижения консенсуса между сторонами защиты и обвинения, в то время как сама согласительная процедура предполагает участие в ней исключительно должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, т.е. следователя и прокурора (ст. 317.1 УПК РФ). Интересы потерпевшего, а также гражданского истца не учитываются, в то время как в соответствии с п. 47 ст. 5 УПК РФ эти лица относятся к стороне обвинения. Помимо очевидного противоречия между указанными положениями уголовно-процессуального закона, подобный подход законодателя вызывает критику с точки зрения сбалансированности интересов частных лиц, представляющих стороны защиты и обвинения⁸, с учетом того, что одной из задач уголовного судопроиз-

⁵ Достаточно подробно и аргументированно вопросы, касающиеся содержания понятий «договор», «соглашение», «сделка» и их универсальности для публичных и частных отраслей права при формировании новых процессуальных институтов, рассмотрены в работах Ш.В. Калабекова и М.Е. Некрасовой (см.: Калабеков Ш.М. Договор как универсальная правовая конструкция: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Некрасова М.Е. Договор как теоретико-правовая конструкция: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004).

⁶ См.: Хатуева В.В. Реализация частного (диспозитивного) начала в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 108.

⁷ См.: Лазарева В. Новый УПК: особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // Уголовное право. 2002. № 2. С. 67.

⁸ См., напр.: Быков В.М. Права потерпевшего в уголовном судопроизводстве России // Российская юстиция. 2015. № 7. С. 42–46.

водства является защита прав и законных интересов потерпевшего (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Нельзя сказать, что отсутствие потерпевшего в числе субъектов согласительной процедуры не имеет сторонников. В частности, А.С. Александров указывает, что в названном случае отдается предпочтение не личным, а публичным интересам, в числе которых первое место занимает борьба с организованной преступностью, при этом в сферу интересов потерпевшего не входит смягчение наказания для лица, причинившего ему вред⁹. Однако мы солидаризируемся с иной позицией, которая предполагает необходимость учета мнения потерпевшего в той или иной форме, не противоречащей сущности согласительной процедуры.

Приведем некоторые аргументы. Так, формулирование задачи уголовного судопроизводства, обозначенной в п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, несет в своей основе международные стандарты защиты прав и интересов жертв преступлений, которые имплементированы в российское уголовно-процессуальное законодательство. В соответствии с п. «b» ст. 6 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятой Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 г., следует «содействовать тому, чтобы судебные и административные процедуры в большей степени отвечали потребностям жертв путем обеспечения возможности изложения и рассмотрения мнений и пожеланий жертв на соответствующих этапах судебного разбирательства в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы, без ущерба для обвиняемых и согласно соответствующей национальной системе уголовного правосудия». Кроме того, в Рекомендациях Десятого конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, закреплено право потерпевшего на присутствие и участие в принятии решения по уголовному делу, по которому он признан таковым¹⁰. При заключении досудебного соглашения о сотрудничестве потерпевший не только не назван в числе участников договорных отношений, но и лишен возможности обжаловать соответствующее решение, а также в отличие от согласительной процедуры, предусмотренной гл. 40 УПК РФ, выразить свое отношение к ней в судебном разбирательстве. Более того, привлечение потерпевшего к процедуре согласования условий договора о сотрудничестве находится в рамках предоставленного

ему законодателем права на участие в уголовном преследовании по делам публичного и частно-публичного обвинения (ст. 22 УПК РФ).

В этой связи излишне категоричным представляется утверждение о том, что согласительная процедура, предусмотренная гл. 40.1 УПК РФ, преследует преимущественно публичные интересы¹¹. Потерпевший также получает определенные преференции, а именно: при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обвиняемый должен совершить активные действия, направленные на возмещение или минимизацию вреда, причиненного преступлением, его сотрудничество со следствием соответствует интересам потерпевшего, которому также как и государству важно раскрытие совершенного преступления и изобличение виновных в его совершении лиц.

В связи с изложенным полагаем, что интересы потерпевшего должны учитываться при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, не причиняя ущерба процессуальному механизму его функционирования. Думается, что законодательно это может быть сделано опосредованным образом, т.е. через должностное лицо, уполномоченное на непосредственное заключение соглашения — прокурора, изложив ч. 5 ст. 21 УПК РФ в следующей редакции: «Прокурор с учетом мнения потерпевшего вправе после возбуждения уголовного дела заключить с подозреваемым или обвиняемым досудебное соглашение о сотрудничестве». При такой формулировке мнение потерпевшего учитывается, но не является определяющим, что позволяет сохранить баланс частных и публичных интересов и не противоречит позиции Верховного Суда РФ¹², который указал, что возражение потерпевшего против применения гл. 40.1 УПК РФ само по себе не является основанием для рассмотрения дела в общем порядке.

Список литературы

1. Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 27 с.
2. Александров А.С., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8. С. 3–11.
3. Быков В.М. Права потерпевшего в уголовном судопроизводстве России // Российская юстиция. 2015. № 7. С. 42–46.
4. Головизин М.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 24 с.

⁹ См.: Александров А.С., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8. С. 10.

¹⁰ Десятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Вена, 10–17 апреля 2000 г.). М., 2001.

¹¹ См.: Семенов В.А., Лошкобанова Я.В. Права потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский юридический журнал. 2013. № 4. С. 152–156.

¹² О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Дудина Н.А. Некоторые вопросы о предмете досудебного соглашения о сотрудничестве // Мировой судья. 2014. № 12. С. 8–10.
6. Калабеков Ш.М. Договор как универсальная правовая конструкция: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 277 с.
7. Лазарева В. Новый УПК: особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // Уголовное право. 2002. № 2. С. 67–69.
8. Некрасова М.Е. Договор как теоретико-правовая конструкция: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 196 с.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2006. 944 с.
10. Семенцов В.А., Лошкобанова Я.В. Права потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский юридический журнал. 2013. № 4. С. 152–156.
11. Тиссен О.Н. Анализ законодательной дефиниции досудебного соглашения о сотрудничестве как уголовно-процессуального института // Российская юстиция. 2013. № 7. С. 26–28.
12. Хатугаева В.В. Реализация частного (диспозитивного) начала в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 393 с.

Determination of Lawful Essence and Subject Composition of Agreement About the Collaboration

Belyayev R.V.,

The Judge of the Moscow Provincial Law Court

E-mail: brv201167@rambler.ru

Abstract. In the article are examined the problems of the determination of lawful essence and subject composition of agreement about the collaboration through the prism of the analysis of the definition, which is contained in criminal law. Are compared private-right and criminal procedure approaches to the content of conciliatory procedures, and also their subject composition, contradictions in the terminology, utilized in the acting criminal procedure legislation are revealed and they are proposed to the way of their elimination.

Keywords: agreement about the collaboration, the special order of making a judicial decision, the side of the charge, the acknowledgment of fault, punishment.

References

1. Abshilava G.V. Soglasitel'nye protsedury v уголовном судопроизводстве Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2012. 27 s.
2. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. Soglasenie o dosudebnom sotrudnichestve so sledstviem: pravovaya sushchnost' i voprosy tolkovaniya norm, vkhodyashchikh v glavu 40.1 UPK RF // Ugolovnyy protsess. 2009. № 8. S. 3–11.
3. Bykov V.M. Prava poterpevshego v уголовном судопроизводстве Rossii // Rossiyskaya yustitsiya. 2015. № 7. S. 42–46.
4. Golovizin M.V. Osoby poryadok prinyatiya sudebnogo resheniya pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2012. 24 s.
5. Dudina N.A. Nekotorye voprosy o predmete dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve // Mirovoy sud'ya. 2014. № 12. S. 8–10.
6. Kalabekov Sh.M. Dogovor kak universal'naya pravovaya konstruktsiya: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2004. 277 s.
7. Lazareva V. Novyy UPK: osoby poryadok prinyatiya sudebnogo resheniya pri soglasii obvinyaemogo s pred'yavlenym emu obvineniem // Ugolovnoe pravo. 2002. № 2. S. 67–69.
8. Nekrasova M.E. Dogovor kak teoretiko-pravovaya konstruktsiya: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2004. 196 s.
9. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. M.: ITI Tekhnologii, 2006. 944 s.
10. Sementsov V.A., Loshkobanova Ya.V. Prava poterpevshego pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2013. № 4. S. 152–156.
11. Tissen O.N. Analiz zakonodatel'noy definitsii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve kak ugolovno-protsessual'nogo instituta // Rossiyskaya yustitsiya. 2013. № 7. S. 26–28.
12. Khatuaeva V.V. Realizatsiya chastnogo (dispozitivnogo) nachala v уголовном судопроизводстве: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2006. 393 s.